
Роман Сенчин

ДОЛГ

Рассказ

Мой тезка посмотрел на часы:

— Давай, Беленький, понужай, двадцать минут осталось.

Белый вдавил педаль газа — старенькая, с остроугольным кузовом «японка» непонятной мне марки задрезжала, затряслась, как взлетающий самолетик. Кусты карагатника вдоль обочины замелькали быстрее, очертания гор стали изменяться заметнее.

Я был с дочкой, поэтому старался не проявлять особой тревоги. Но не выразить досады не мог:

— С одиннадцати до трех продавать, летом тем более, это издевательство. Как в Чечне.

— Пытаются оградить народ, — как-то рычаще, словно и он сам, подобно двигателю машины, работал на предельной скорости, отозвался Белый. — Спивается ведь.

— А так, можно подумать, меньше будет спиваться. Давно всем известно, чем можно покупное заменить.

— К тому же в любом ларьке продают, — добавил мой тезка Роман. — Но хочется цивилизованно. — Несмотря на удары судьбы, в нем сохранялся интеллигент и отличник Кызылского пединститута.

Мы ехали из городка Чадан на западе Тувы к стоянке археологической экспедиции на речке Эрбек. Если б не водка, можно было не заезжать в Кызыл, свернуть перед ним, пересечь Енисей по ближайшему мосту и уйти влево, снова на запад. Но с пустыми руками являться к археологам — проявить дикое, демонстративное неуважение. Пришлось увеличить крюк на несколько километров.

На самом деле пить мне последние недели не очень-то и хотелось. Я был счастлив и главное — а такое бывает очень редко — ощущал, что я счастлив. В реальном времени.

Сенчин Роман Валерьевич родился в 1971 году в Кызыле. Окончил Литературный институт им. А.М.Горького. Печатался в журналах «Дружба народов», «Новый мир», «Знамя» и др. Лауреат многих литературных премий, в том числе «Ясная Поляна» и «Большая книга». Живет в Екатеринбурге. Предыдущая публикация в «ДН» — 2017, 10.

Конечно, ожидал, что вот сейчас что-то случится и это ощущение кончится, сменится неприятностями, а то и бедой. Но оно не кончалось.

Я приехал в Сибирь с младшей дочкой Лерой, приехал надолго — на полтора месяца. Мы пожили в деревне у моих родителей, поехали по югу Красноярского края, много чего увидели, а потом отправились сюда, в мою родную Туву.

Лере недавно исполнилось одиннадцать, и она быстро становилась не ребенком, беспомощным и требующим постоянного пригляда и заботы, а другом. Именно в те полтора месяца мы и сдружились.

Она с детства говорила о народных людях, о том, что все должны жить в своих домах с огородом и садом, собирать в лесу грибы и ягоды, топить печку заготовленными дровами. Я думал, что у нее, москвички, это книжное или пусть инстинктивное, переданное с какими-то генами, но все же непрочное, способное погибнуть от первого же комариного укуса или прилипшей к лицу паутины.

Я ошибся: Лера старательно училась отличать сорняки от культурных растений, с увлечением собирала клубнику-викторию, стойко терпела нападения комаров и оводов, бродила со мной по сосновому бору, вечерами сидела, закутавшись в бабушкину куртку, на берегу пруда, наблюдая, как я рыбачу. Ее не приводил в ужас сортир вместо унитаза, она не хныкала, что нужно умываться не под краном, а при помощи рукомойника.

Вот сейчас мы трое суток провели на музыкальном фестивале под Чаданом. Спали в палатке под высоченными и прямыми лиственницами — казалось, одной хватит на целый венец крестовой избы, ели разогретую у костра тушенку из банок, утром ходили на быструю, прозрачную реку чистить зубы, и я видел, что ей нравится такая первобытность: стоять на плоском камне рядом с другими, нагибаться, подхватывать горстями воду, брызгать в рот, на лицо, растирать ею шею. Сушиться под солнцем.

Она копировала движения и повадки матерых хиппарей и автостопщиков, улыбалась мне радостной, но уже не детской, а почти взрослой улыбкой...

На фестивале наша группа выступила два раза. Один раз в отборочном раунде, второй — на гран-при. Лера стояла под сценой и смотрела на меня с гордостью: вот, это мой папа, это он смело поет: «Если ты не слякоть — защищайся, если ты не слякоть — нападай». Нам присудили первое место в странной номинации «За самый страстный трэш», и Лера пожала музыкантам и мне, вокалисту, руки:

— Поздравляю. Это было круто. — Не как старшим пожала, а как ровне.

Группа наша существовала одновременно и три месяца, и почти четверть века.

Летом девяносто второго мы с Ромой и еще одним парнем, Сашей, подумали, что прежние рок-группы стали играть какую-то лажу и решили возродить настоящее. Позже к нам присоединились еще ребята. Записывали жуткого качества, но искренние альбомы на пленку, иногда давали концерты.

В конце девяносто третьего наша семья переехала из Тувы в Красноярский край, вслед за нами там оказались Саша и Рома. Но малая родина отпускала долго: много времени мы проводили в Кызыле, продолжали записываться и выступать; на некоторое время к нам присоединился и светловолосый школьник Жэка Рябенко с незатейливым погонялом Белый.

В девяносто шестом я поступил в Литературный институт, группа окончательно распалась. В Москве, Питере, где частенько бывал, я знакомился с музыкантами, некоторым нравились мои тексты, и возникали недолговечные коллективы, оставлявшие два-три альбома — качество благодаря цифровым технологиям улучшалось, — афишки и фотки с концертов.

Каждое лето, а то и несколько раз в году я навещал родителей, бывал и в

ближайших к их деревне городах Минусинске и Абакане. И вот в апреле две тысячи шестнадцатого, того года, когда происходит действие рассказа, встретил в Минусинске старого, из девяностых, приятеля Дениса Львова — Лёвыча. Случайно, на улице.

Я сказал, что живу в Москве, женат, дети, пишу книжки. Он в ответ сообщил, что работает в музыкальной школе, учит детей классической гитаре. Внешность у него была как раз для подобной специальности — невысокий, солидный, седой.

— Давай запишемся, — предложил я. У меня как раз было с десяток текстов, которые я давно хотел превратить в песни. Сам я этого сделать не могу — инструментами не владею.

— Можно, — пожал плечами Лёвыч; он вообще флегматик.

Тут же, на улице, стали вспоминать, кого из музыкантов можно найти в Минусинске или Абакане. Кто еще не уехал, не умер... Лёвыч сказал, что знает телефон Ромы, того, с кем я когда-то начинал.

Позвонили. Рома жил в Абакане, собирался через несколько дней в археологическую экспедицию — с мая по сентябрь он уже много лет копал, на это, в основном, и жил оставшиеся полгода.

Сначала он удивился, даже не мог ничего ответить. Потом произнес: «Конечно!..» Нашли барабанщика — музыкант тувинской группы «Ят-Ха» Женя Ткачев как раз гостил у своих родителей в деревне под Минусинском. Согласился поступать.

Назначили число. Я поехал к родителям садить картошку и учить слова.

Когда говорят, что вот встречаются через много лет друзья, у которых когда-то были общие интересы, занятие, и им чаще всего поговорить не о чем, я соглашаюсь, но добавляю: «Не разговаривать надо, а заняться тем, чем занимались».

Сошлись мы вечером возле музыкальной школы города Минусинска — с Ромой не виделись почти двадцать лет, кроме двух-трех коротких и случайных столкновений на абаканском тротуаре, с Женей Ткачевым года четыре, с Лёвычем тоже лет двадцать. Действительно, говорить нам было не о чем — поздоровались, покурили и пошли подключаться и настраивать инструменты.

Рома, волосатый, с бородой до пояса, приехал не один, а с Белым. Его я не видел с девяносто пятого. И вот интересно: как раз той весной я начал писать книгу о своем сверстнике, который не свалил из Тувы, подобно большинству русских, а упорно там живет. Родители и сестра далеко, в другой стране, жены разводятся и исчезают на просторах России, а он остается. Сам не зная, почему. Чувствует какую-то смутную уверенность, что не должен покидать землю, на которой вырос.

И прототипом одного из персонажей — одноклассника главного героя книги — стал как раз Белый. Персонаж имел мало общего с реальным человеком, но тоже играл в рок-группе, был одарен природой светлыми волосами и носил такое же прозвище. И вот настоящий Белый вдруг объявился, будто притянутый моим текстом.

Так у меня уже случалось. Берешь вроде бы давным-давно оставшегося в прошлом человека, полузабытого, растворившегося в мире, наделяешь его чертами персонажа повести, рассказа или романа, и этот человек возникает.

Я даже стал побаиваться брать прототипами своих врагов — возьмут и появятся.

А появление Белого меня обрадовало, хотя я с трудом узнал его: в памяти оставался одиннадцатиклассником, а тут был сорокалетним... Хотел написать «мужиком», но, скорее всего, парнем. Чем старше я становлюсь, тем сложнее мне отличать еще парня от уже мужика. Белый для меня оставался парнем, правда, потрепанным, с потемневшими волосами.

— Ага, в Кызыле живу, — короткими фразами, но по-сибирски торопливо рассказывал Белый что и как. — Лет десять в Новосибире проторчал, играл в «Фрау Крэк». Не слышал? Классная группа. Потом зачем-то вернулся... Машины шаманим —

жестянка, электроника, колеса. Вот за запчастями приехал, у Ромки заночевал, а он говорит: завтра играем. Как я мог пропустить?

— А бас чей?

Белый прибыл с бас-гитарой в чехле.

— Мой. Вожу вот на всякий случай.

Запись получилась не очень хорошей — на поиск мелодии, разучивание аккордов и партий уходило всего по часу-полтора, — но процесс нам понравился, и мы решили летом где-нибудь выступить. Фестивалей в июне — июле в Сибири проходит много.

Заявились на два — один под Абаканом, другой в Чадане. Среди организаторов были наши знакомые, поэтому не отказали. На первый Рома приехать не смог — уже был в экспедиции, а на второй его отпустили. И вот теперь мы ехали с этого второго, разгоряченные музыкой, довольные собой и грамоткой в рамке под стеклом, на берег речки Эрбек, где археологи раскапывали древние захоронения.

За рулем Белый, рядом — Рома, на заднем сиденье мы с Лерой и Ромина подруга Дарина...

В магазин — на самой окраине Кызыла, в райончике, который раньше называли Мелькомбинат, — успели. Купили пять бутылок «Талки», колбасы, помидоров, сыра, яблок, копченой скумбрии.

— Ребята порадуются, — складывая пакеты в багажник, сказал Рома. — Там-то особого разнообразия нет — тушенка или с макаронами, или с гречкой.

Вернулись на объездную дорогу, переехали Енисей и свернули с асфальта на проселок. «Японка» стала то оседать в песок, то жестко постукивать по осколкам плитняка.

Я родился и вырос в этих местах, поэтому долго воспринимал окружающий ландшафт как единственно возможный. Конечно, смотрел в передаче «Клуб кинопутешествий» про другие земли, читал о морях, тропиках и всем таком прочем, но воспринимал скорее как сказку. Вернее, не мог представить бескрайнее пространство воды, пальмы, вечное лето. Видел на экране телевизора, на страницах книг, но настоящему представить не получалось.

В Туве природа разнообразна. Есть тайга и песчаные пляжи на теплых озерах, есть высокогорная тундра, есть болота-зыбуны с качающимися березами, россыпями клюквы, есть луга и есть джунгли из тополей и тальника, но с настоящими лианами, на которых мы детьми пытались качаться, подобно Маугли...

Много чего в Туве есть, но тот пейзаж, какой я видел почти ежедневно, — наш город Кызыл, лежащий в зеленой долине вдоль Енисея, а вокруг гористую, скудную степь, которую стоило бы называть полупустыней.

Под конец восьмидесятых город перестал вмещаться в долине, полез туда, в полупустыню. До сих пор, несмотря на завоз плодородной земли, тонны выливаемой речной воды, газоны там без травы, а тополя и вязы поднимаются страшно медленно — в тридцать лет остаются подростками. Хилыми, полумертвыми. Мучаются, а не растут. Кажется, дернешь за ствол и вытащишь вместе со слабым, так и неразвившимся корнем.

Сейчас мы ехали вглубь полупустыни.

Холмы, увалы, клочки желтоватого ковыля, колючий, почти без листьев карагатник, прозрачные шары готового сорваться с места и побежать при первом же ветре перекасти-поля и лишь изредка сочная зелень растущей из коровьей лепешки конопля. А так — напоминающий битые черепки плитняк, мелкий, похожий на цемент, песок или твердая красноватая глина.

Через полчаса глаза устают от этого печального однообразия, ищут развлечения, мозг начинает фантазировать. Вот холм вдаль изъеден выветриванием, превратился в

скалу с выступающими рядами камней. Они в трещинах, но таких, словно камни — плотно подогнанные друг к другу блоки, и трещины на самом деле — швы.

И представляешь, что это руины старинной башни, внутри есть комнаты, может, сохранилось оружие, какой-нибудь клад с сокровищами.

Или вон там, слева, холм слишком похож на пирамиду. Грани, острая вершина. Подмывает остановить машину, взять у Белого лопатку и быстро снять нанесенный слой глины. И под ним обнаружится кладка, запечатанный вход, за которым тоже комнаты и тоже сокровища...

Но никакие это не руины, никакая не пирамида. Нет здесь следов человеческой жизни. Даже чабанских юрт и овец не видно. Нечего овцам щипать.

Я поглядывал на Леру, боясь, что она заскучает, скуксится. Не хотелось этого. Мне самому тяжело с непривычки, но если я замечу, что дочке тяжело, неприятно, мне станет больно. Кажется, я почувствую ее приговор: «Твоя родина, папа, отстой».

Но Лера смотрит вдаль спокойно, она о чем-то думает. О чем-то наверняка не слишком веселом — улыбки нет — хотя и не о грустном. О чем-то, может, космическом. Недаром древние обитатели этих степей верили в Тенгри — Небесного создателя.

Мы все молчим. Молчание не давит — просто слова сейчас не нужны. Я вот думаю об одном, Лера о другом, остальные тоже в своих мыслях. Хорошо.

Не двигаемся, не ёрзаем. Лишь Белый время от времени слегка покручивает руль, отводя колеса от ям или острых камней, да Рома, когда «японку» все-таки встряхивает, поправляет стоящий у него между ног пакет с бутылками.

Стрелка спидометра покачивается между двадцатью и пятьюдесятью километрами. По песку и глине машина бежит быстрее, по ребрам плитняка крадется.

Сколько мы уже проехали по этому проселку? Спрашивать не надо, подумают — надоело. Хотя, да, мне слегка надоело — в Москве я привык к другому ритму, давно не сидел просто так, не созерцал, не углублялся в мысли. Вообще стал нетерпелив. Две минуты ожидания поезда в метро утомляют и вызывают досаду; перегон между станциями, длиннее обычных, тоже...

Начинает казаться, что дорога никогда не закончится. Что так и будем ехать теперь всегда. Вечно. Переместимся в какое-нибудь иное измерение, где не нужен бензин для двигателя, неважна цель; главным и единственным останется процесс — движение по этому почти пустому пространству.

И Белый, и мой тезка на фестивале то и дело курили, да и сам я не могу — если не сплю — обходиться без сигареты больше получаса. Во время перелетов страдаю и нервничаю. А сейчас никто не проявляет желания покурить; Белый не останавливает свою «японку» и не объявляет: «Перекур!» Все мы будто спим.

Кто проложил этот проселок? Кто первым сюда забрался? Не имею в виду древних людей, которые, еще не приручив лошадей, не изобретя колеса, преодолевали огромные, немислимые расстояния. Их смелость и упорство нам недоступны. Но ведь был человек, который сел в машину — «УАЗ», например, или пусть мощный «Урал» — и повел его по степи.

Можно решить, что дорогу пробили участники той экспедиции, к которой мы едем. У них наверняка есть навигаторы, карты со спутников. Но отец возил меня по таким дорогам в конце семидесятых, когда никаких навигаторов не существовало, да и топографические карты были неточными. И кто-то первый ехал по каменистой или песчаной поверхности, надеясь, что там, за ней где-нибудь будет другое. Лучшее, а может, и прекрасное.

И вот мы до него — до этого другого — кажется, добрались. Серо-буро-желтый

горизонт расцвятился густым зеленым. Я инстинктивно дернулся на сиденье навстречу ему, и остальные ожили и зашевелились.

Через минуту зеленая полоса распалась на пунктиры, стало понятно, что это кроны тополей. Они росли не тесно, были высоки и мощны, а полоса хоть и длинная — краев справа и слева не видно, — но узкая: просветы меж тополями снова серо-буро-желтые. Там дальше снова полупустыня.

В наших краях такие полоски деревьев называют колками. Где-то, говорят, колки больше напоминают рощи, а здесь их ширина занимает три-пять метров по обе стороны от ручья или речки. Отвоеванная или, может, еще не сданная плитняку и песку ниточка плодородной земли.

— Вот и Эрбек, — на тувинский манер, с двойным «э», объявил Белый. — Почти на месте.

Речку нужно было переезжать по каменистому дну. Чтобы хоть немного приподнять низенькую «японку», мы, пассажиры, решили выйти.

— В брод пойдем, — объявил Рома.

Лера спросила с надеждой:

— Мне тоже?

— Сиди там. Глубоковато для тебя, и вода ледяная. — Я еще не трогал воду, но по ее прозрачности видел — не ошибаюсь.

А воздух был жаркий, как в сухой парилке, и оглушающе стрекотала саранча.

Разулись, завернули штаны выше колен, ступили в речку. Обожгло холодом, по коже волной вверх побежали мурашки и собрались на голове, зашевелили волосы. Стараясь не поскользнуться, я быстро побрел через Эрбек. «Японка» за спиной и слегка правее взревела, как старый «Москвич» с сорванной выхлопушкой, и тоже ринулась в реку.

Форсировали удачно. Перекурили на клочке травы, дожидаясь, пока ноги высохнут, поехали дальше.

Теперь дорога была вдоль русла. Чаше стали попадаться скалы, напоминавшие башни, по обе стороны от Эрбека, метрах в тридцати, почти сплошной грядой тянулись увалы — это были древние берега реки, тех времен, когда всё на планете было крупнее и шире. Но, может, в короткий период таянья снега и льда в Саянах река разливалась примерно до этих увалов. А исток ее наверняка в горах.

Здесь почти все реки берут начало в горах, а впадают в Енисей. За исключением тех, что рождаются из пробитых геологами артезианских скважин и через несколько сотен метров теряются в степных песках.

Странно — мы ехали вверх по течению, но древние берега отдалялись и отдалялись от нынешних, увалы расступались, да и нынешний Эрбек становился пусть не шире, но спокойнее и явно глубже. Тополей росло больше, появился и тальник, пятячки высокой сочной травы.

И вот увал слева вовсе ушел в сторону, открывая нам широкую и плоскую долину. Правда, почти голую — все те же клочки ковыля, кустики карагатника, перекасти-поле, еще какие-то чахлые колючки...

На склонах дальних сопков можно было различить одинокие лиственницы — начало тайги, а впереди, совсем близко, дорога входила в настоящий тополевый лесок. И там, в нем, пестрели палатки.

Лагерь археологов оказался большим, хотя и малолюдным. Часть палаток была техническими помещениями, а не жилыми. В самой большой и высокой — настоящий дом то ли из брезента, то ли из какого-то современного материала, названия которого я не знал — находилась, как сказал Рома, камералка.

— Что? — я не понял.

— Ну, склад находок, грубо говоря. Походная лаборатория.

Метрах в двадцати, ближе к реке, располагалась столовая — высокий навес с длинным столом и лавками, кухней за занавесками.

Рома с Дариной сходили на кухню.

— Ребята еще в поле, ужин будет через час-полтора. Потерпим?

— Потерпим, — кивнул Белый, и я следом.

И Лера твердо сказала:

— Потерпим.

— Может, все-таки съешь печенья? — Мы не обедали.

— Нет, я со всеми.

До раскопа было далековато, на него решили сходить завтра, а сейчас отправились посмотреть то, что нашли ребята за два с половиной месяца.

— Вернее, сначала на Саянском водохранилище копали, — говорил Рома, — пока там вода низкой была, а в конце июня сюда переехали.

— Здесь уже седьмой год, — добавила Дарина.

В палатке нас встретила... Вот опять, напишу «встретила девушка лет сорока», будет смешно. Напишу — «женщина лет сорока», представится именно женщина. А она выглядела как девушка, но ей было явно сорок или за сорок... Таких девушек-женщин теперь много. Подтянутые, сохраняющие следы девичьей свежести, искры юности. Впрочем, будь мне не сорок пять в момент нашей встречи, а лет двадцать, я бы вряд ли сомневался, как ее обозначить. Штампонул бы: «сорокалетняя сухощавая женщина». Теперь же приходится задумываться, выбирать, делать такие вот нелирические отступления.

— Это Ира, наш хранитель, — представил ее Рома, — все найденное мы передаем ей. Ир, покажи, пожалуйста, что накопили.

Ирина не проявила особой радости, но постепенно увлеклась, рассказывая, что на самом деле такое вот этот сгусток чего-то землисто-зеленого или вот эта изржавевшая полоска металла, частью чего являлся черепок размером с ноготь мизинца, и через несколько минут уже улыбалась, голос сделался звонкий, молодой.

— А вот что Роман нашел, — открыла одну из картонных коробочек, — кажется, это очень редкий образец...

Вынула довольно большую и толстую пластину, на которой был изображен бык со свирепыми сдвинутыми бровями и раздутыми ноздрями.

— Сложно пока сказать, к какому времени относится эта деталь поясного набора, но если к эпохе звериного стиля, то нас всех можно будет поздравить.

— С чем? — спросил я.

— В то время животных и зверей изображали почти всегда в профиль, а здесь — в анфас. Подобных изображений очень мало. Тем более чтобы зверь смотрел словно бы нам в глаза.

— И как ты нашел?

Рома, человек по натуре застенчивый, подергал бороду:

— Не знаю... повезло...

— Обнаружена эта пряжка в зоне Саянского водохранилища. Мы ведем там раскоп каждые май и июнь, когда происходит сброс воды, — голос Ирины стал официальным, как у экскурсовода. — В основном находим захоронения времен хунну, но встречаются и более ранние предметы, украшения...

Во время рассказа она с умилением и тоской поглядывала на Леру. Я забеспокоился — мало ли... А Лера косилась на ряды обернутых целлофаном черепов на стеллаже.

Потом был ужин. Археологи — молодые парни и девушки, в основном волонтеры

из Питера — с удовольствием ели привезенные нами скумбрию, помидоры, яблоки, а мы с Лерой и Белым налегали на пахнущую дымом гречку с тушенкой.

За ужином распили две бутылки водки, потом часть людей ушла спать или заниматься своими делами, а человек десять сели вокруг костра на берегу Эрбека.

Среди них оказалось двое моих читателей, Юра и Слава. Они всё повторяли, что не верят, что к ним заехал «живой Сенчин», расхваливали мои книги, советовали читать их остальным, спрашивали о таких деталях из разных повестей и романов, которые сам я не помнил.

Мне было неловко, я просил перевести разговор на другое, останавливал хвалебные монологи предложением «давайте лучше накатим». Да, мне было неловко, но в то же время я с удовольствием чувствовал горделивый взгляд Леры...

— Ты в Москве ведь? — спросил Юра, как и большинство парней здесь, бородатый, в клетчатых широких шортах и растоптанных сандалиях.

— Да, давно.

— Не скучаешь по Туве?

— Да не особо, — и я усмехнулся, придумав оригинальный ответ: — Всё чаще там себя как в Кызыле чувствую.

— В смысле?

— Столько стало... это киргизы, скорее всего. Но и язык похож на тувинский, и ведут себя так же.

Кто-то из девушек — девушки выглядели свежими, чистенькими, все в бриджах, с голыми загорелыми икрами и руками — не согласился:

— Киргизы — мирные.

— Это пока их относительно мало. Но численность стремительно растет. Лет через пятьдесят посмотрим.

— Да ладно.

— А что — в восьмидесятые Кызыл был абсолютно русским городом. Ну, русские, украинцы, евреи, армяне. Скажи, Рома.

Рома качнул головой. Но промолчал.

— А теперь, — досказал я, — от Чадана не отличишь. Большое стойбище.

Эти слова, наверное, были не особо приятны археологам — большинство приезжающих сюда фанатеют от национального колорита. Но селились-то тут не из-за колорита, многих присылали по распределению, комсомольским путевкам, а потом бросили. И программы типа возвращения соотечественников на Туву и подобные республики не распространяются — формально-то это части России.

— Как выступили? — спросил мой другой читатель, Слава.

— Нормально.

— А спойте.

— Да у нас такое... не для костра.

— И мы не Визборы. Давайте.

Петь мне не хотелось. Я долго отказывался, хотя Рома уже пощипывал струны. Сдался, когда Лера потребовала:

— Папа, спой. — И мне послышалось недоговоренное: «Не ломайся».

Я сказал Роме название вещи, тот вспомнил мелодию, я внимательно слушал, чтобы вступить вовремя — со слухом у меня проблемы. Кажется, попал.

Пройдено бездорожье,
Найдены все слова.
Дальше можно свободно катиться:
Пузо, попа, голова.

Перед глазами лужайка с травой,
За спиной — дым.
Хватит брыкаться, я достаточно пожил,
Я уже не умру молодым...

И еще два куплета в таком роде.

Я написал эту песню в сорок два года, впервые исполнена она была в ту ночь в минусинской музыкалке, когда мне было сорок пять... Тогда я чувствовал себя укоренившимся — двадцать лет в Москве, у меня жена и две дочери, квартира, свой кабинетик на утепленной лоджии, огромный архив из черновиков, блокнотов, версток, корректур, библиотека с нужными и полезными книгами, пусть не особо денежная, но стабильная работа плюс гонорары и роялти, разные халтурки, которые, правда, нужно делать на совесть, чтобы новые предлагали.

Никому и ни за что бы не поверил, что через полгода окажусь в другом городе с двумя сумками самых необходимых вещей, начнется совсем другая жизнь, а еще через пять месяцев я буду официально именоваться молодым — на свадьбе...

Ночь в Туве наступает быстро: солнце ныряет за гору, небо на западе погорит ярко-синим или красным огнем, и вот уже непроглядная тьма. И воздух мгновенно холодеет, словно его не пекли весь длинный день.

Дарина принесла нам куртки и пледы, но Лера вскоре захотела спать. Я еще посидел, наслаждаясь костром, рассказами ребят про раскопки, мечтами найти настоящее. Когда-то я тоже хотел стать археологом. Начитавшись про Шлимана, Говарда Картера.

Лет за пятнадцать до этого не так далеко отсюда, на севере Тувы, было обнаружено неразграбленное в древности или бугровщиками прошлых трех веков захоронение мужчины и женщины. Кто они, к какому народу принадлежали, так и не удалось выяснить — их условно отнесли к скифам. В могиле сохранилось много золотых изделий поразительно тонкой работы, оружие, посуда, курительная трубка.

— А что, интересно, курили в то время? — шутливо спросил я.

В ответ засмеялись, и вскоре по кругу пошла трубка мира...

Проснулся я рано. Голова была легкая и ясная, будто лег вчера трезвым, и не в три часа ночи, а в десять вечера.

В палатке было прохладно, и я некоторое время лежал под одеялом, боясь, что на улице еще хуже. Но в конце концов выбрался. Нет, солнце уже работало вовсю, выжигало ночную свежесть.

Достал из сумки зубную щетку и пасту, пошел к реке.

На помосте из досок, где, видимо, археологи и умывались, стирали, сидела вчерашняя Ира. Просто так, задумавшись.

— Доброе утро, — сказал я.

Она вздрогнула, обернулась.

— Доброе.

— Хорошо вчера посидели. Но вы что-то быстро ушли.

Я не стал умываться при ней. Тоже присел на доски, закурил. Вода рядом текла неспешно, но заметно — ровным тугим потоком.

В небе висели коршуны, жалобно прося сусликов вылезать из нор, а рыбу всплывать на поверхность.

— Я это не особо люблю, — ответила Ирина. — Честно говоря, надоело.

Я почувствовал укол обиды, но не от самих слов, а от интонации. Злой, сухой.

— Посиделки у костра надоели? Ну да, если каждый вечер...

— Да всё.

Своим вопросом и ответом я как бы хотел сгладить остроту ее злобы, но Ирина

явно этого не хотела, потому и уточнила. Я кашлянул. На душе стало муторно. Затянулся раз, другой и тоже разозлился. Ее демонстративное настроение, так называемый негатив, разрушали мое ощущение счастья.

— Ну зачем тогда вы здесь, если всё надоело? Кажется, никого насильно сюда не тащат, да и зарплата не такая, чтоб через силу...

— Да, действительно не тащат, — перебила Ирина, и теперь я услышал вместо злости грусть и усталость. — Меня настоятельно просят.

— Почему именно вас?

— Потому что я камеральщик.

— И что?

Ирина посмотрела на меня непонятым взглядом и отвернулась, не отвечала.

На том берегу стояли толстые тополя. Вернее, одни стояли, а другие лежали, превратившись из деревьев в столбы — ветви их пообломали, попилили на дрова, а стволы для топоров и пил были не по зубам...

Я заговорил мягче, мне действительно стало интересно, чем эта особа так незаменима, что ее настоятельно просят. Она стала объяснять:

— Я не только учитываю находки, исследую их, но и веду летопись работы. На мне запись каждого шага. Это ведь так не получается — раскоп до конца сезона завершить. Часто приходится консервировать, а следующим летом продолжать. Отвал двигать, и с того же сантиметра, на каком в прошлом году остановились, — дальше. И я здесь уже восьмой сезон. На этом же самом месте. В две тысячи девятом приехали местность изучать, на следующий год начали раскопки, и вот... Тянет в другие места, а приходится... — Ирина не заканчивала фразы, и в голосе булькали слезы, что ли.

— И никому нельзя передать документы, вести в курс дела?

— Я предлагала, никто не берется.

— Ну а что просто не бросите? Не поеду — и всё. Или это как-то на работе скажется? Вы откуда, извините?

— Из Петербурга, в ИИМКа работаю. Кандидат наук, между прочим, докторскую писать пытаюсь...

— Что такое ИИ?..

— Институт истории материальной культуры. На Дворцовой набережной находится, а сама я с Литейного. Вы бывали в Петербурге?

— Бывал. Учился даже.

— Да? Где?

— В ПТУ, — хмыкнул я, но тут же поправился: — Вернее, на десятимесячных курсах. Я после десятого поступил... У нас тогда десятый последний был, выпускным.

— Да, я знаю — я сама тогда школу окончила. Восемьдесят девятый год.

— Реально? Мы, получается, одногодки. Отлично выглядите... Это не комплимент, а констатация.

Губы Ирины покривились, изображая улыбку.

— А вы писатель, как я поняла? Парни все последние дни: «Сенчин, Сенчин...»

— Ну так, пишу... Как говорил Толстой: чем-то ведь надо заниматься.

— И в группе играет. — Она словно показывала мне, какая у меня многогранная жизнь. В отличие от ее. А я отбивался полшутками:

— Ну, это так — последствия юности. Пытаюсь ее вернуть при помощи панк-рока. Но прав был Андрей Платонов: в молодость мы уже не вернемся, разве что в детство. К тому же я не играю. Не способен овладеть инструментами, поэтому назначили петь.

Это была моя давняя шутка. Часто употреблял ее на встречах с читателями, когда речь заходила о моем участии в рок-музыке.

— Дочка у вас хорошая, — нашла новую грань Ирина, — светлая такая девочка.

— Хорошая, да. Первое наше с ней путешествие вдвоем. Старшей уже не до этого, взрослая совсем... А у вас нет детей?

— Нет. — Она помолчала. — Когда их при таком графике... Вернее, замуж не вышла, а матерью-одиночкой быть не хочется. Вот и расплачиваюсь теперь: ты одинокая, борщи-солянки варить никому не надо, езжай в поля... Забыла уже, что такое летний Питер. В середине мая уезжаю, в конце сентября возвращаюсь...

— А я вот, — захотелось ее как-то подбодрить, — давно собираюсь такой рассказ написать... Прочитал заметку, и из головы не выходит: где-то в Арктике на станции живут две девушки. Метере... — это слово всегда давалось мне с трудом, — метеорологи. И вот они по нескольку раз в сутки ходят из домика к будке или что там, где у них барометры, осадкомеры, прочее... А там вокруг голодные белые медведи. И у девушек одна двустволка из оружия. Одна снимает показания, другая ее охраняет... Очень, говорят, страшно, но что делать — долг.

Выдав эту косноязычную речь, я снова покашлял, досадливо — думал, она получится яркой и сильной, а вышла вот такой. Пошуршал пакетиком со щеткой и пастой. В руке был еще потушенный окурок сигареты, который я не знал куда деть. В реку бросать было неудобно, а ведра для мусора рядом не видел.

— Долг, — сказала Ирина раздумчиво. — Наверное. Долг — это мощная сила... Да я и не... В общем, это вы меня в такой момент подловили, что я начала. К тому же вы очень довольный вчера были, аж светились. А сегодня плюхнетесь в машину, и останется в памяти, что здесь одни радостные люди живут... Я, в общем, перед своими такого себе не позволяю. Работаю, интересно, нужно... Долг. Да, долг есть. Нужно доделать. Вы вот говорите — бросить. Бросить можно, теоретически, никто меня не убьет. Но это как-то, как предательство будет... Вся надежда, — теперь она хмыкнула, — что это не навечно. Мы ведь здесь копаем из-за дороги — по этой долине железная дорога должна пройти, вот нам и разрешили копать. Скоро, наверное, потянут. Ну и наша экспедиция кончится.

— Да. — Не хотелось ее разубеждать мыслью, что вряд ли железку из Красноярского края в Туву в ближайшие годы начнут строить на самом деле. Лет пять назад, или больше, Путин вбил первый костыль, и с тех пор ни с севера, ни с юга не продвинулись ни на километр...

— Кончится, — сказал я уверенней, — и займетесь научной работой по-настоящему. И замуж выйдете, и ребенок будет. Теперь сорок пять — это не безнадежно. Как отец двух детей вам говорю. — И я посмеялся; Ирина поддержала на сей раз более искренней улыбкой.

Потом нас с Лерой покормили завтраком, сводили на раскопки. Показали могилы и гробы в них из стоящих вертикально больших кусков камня-плитняка, объяснили, что такое могильное пятно, материк...

— А двигать отвал — это как? — вспомнил я слова Ирины.

Рома удивился:

— Ух ты, ты и фишки наши знаешь!

— Я по роду профессии должен много знать.

— Двигать отвал — доставать землю из раскопа, которой он был засыпан в конце прошлого сезона. Короче, копали-копали, а тут снег пошел. Приходится обратно закапывать, а на следующий год все по новой.

— Бедолаги.

— Не говори...

Мы фотографировались на память. Слава, выпив заанченной водки, надрывно, связками, пел песню Егора Летова:

По больному месту — да каленым швом!
По открытой ране — да сырой землей!
Из родной кровати — да в последний раунд!
Из крейзовой благодати — да в андеграунд!

И взгляд его спрашивал у меня: «Ну как?» Я не мог ему признаться, что давно ничего не слушаю, кроме записей своих песен. Вырос, перерос. Под свои молодею. На час, другой. Если даже там про «не умру молодым».

Долго прощались с ребятами; Лера и Дарина поплакали — за эти четыре дня они успели привязаться друг к другу. Мы с Ромой крепко пожали руки, не страшась того, что снова можем расстаться на два десятка лет. Что ж, встретимся шестидесятипятилетними и снова дадим жару на каком-нибудь фесте...

Я искал глазами Ирину, но ее не было.

Сели в «японку», и Белый повез нас в Кызыл.

На следующий день мы вернулись в деревню к моим родителям, через неделю прилетели в Москву, в сентябре Лера пошла в шестой класс, в конце января мы с женой в очередной раз поругались, и она сказала мне такие слова, что я не смог больше находиться с ней в одной квартире. Я собрал самое необходимое и открыл дверь. Лера попросила, заикаясь от слез:

— Папа, не уходи.

Но я ушел. Сел в поезд и уехал. Вскоре у меня появилась новая жена. Третий год живем душа в душу.

Бывая в Москве, я вижу со старшей дочерью, Ветой. Лера со мной встречается отказывается. Наверняка считает меня предателем. Может, она права.